

Хотя вслух об этом никто не говорил, после вчерашнего выступления Инь Чжоу вся съёмочная группа с нетерпением ждала их новых совместных сцен. Любому, у кого был хоть какой-то опыт в кино, стало ясно: актёрское мастерство юноши было на высоте.

На площадке, несмотря на преобладание Альф и Бет, хватало и девушек — Омег и Бет. Они восторженно поглядывали на дуэт, едва ли не вслух умоляя: «Ну же, возьмитесь за руки! Режиссёр Линь ведь разрешил!»

Остальные тоже не сводили с них глаз.

Инь Чжоу лишь беспомощно улыбнулся и обратился к Линь Юйминю:

— Режиссёр, сегодня наши группы работают на разных локациях.

— Вот оно что... — протянул Линь Юймин. — Ну, тогда это не очень удобно. Что ж, займётесь этим вечером или в любой свободный момент. Это дело важное, не вздумайте отлынивать.

Инь Чжоу и Гу Цинсю послушно кивнули, после чего первый покинул площадку, направляясь к своей группе.

Для съёмок «Героя» пригласили множество именитых актёров старшего поколения. Пусть их роли были небольшими, порой почти эпизодическими, без их мастерства сериал потерял бы львиную долю своей глубины.

Сегодняшний график Инь Чжоу, за исключением одной сцены с Гуань Янем, состоял из работы именно с этими мэтрами. Сцены с Гу Цинсю намеренно передвинули на более поздний срок, чтобы дать им время привыкнуть друг к другу.

Перед началом съёмок артист решил ещё раз пробежаться по сценарию. Он направился к гримёркам, намереваясь присесть там в тишине, но застыл, не успев коснуться дверной ручки.

Он нахмурился, почувствовав тяжёлую ауру Альфы.

Кто-то внутри намеренно и довольно агрессивно выпускал феромоны — их запах просачивался даже сквозь щели в хлипкой двери.

Из гримёрки донёсся мужской голос:

— Ты что, утром не завтракал? Не можешь говорить громче, как подобает Альфе? Это ты мне

подыгрываешь или я тебе? В тебе вообще осталось хоть что-то от Альфы? Где твой инстинкт? Терпеть не могу таких: ни капли достоинства, одна размазня.

Это был голос Гуань Яня — пренебрежительный, лишённый всякого уважения.

Стало ясно, почему вокруг никого нет: старший коллега устроил разнос, не стесняясь давить аурой.

Настроение Инь Чжоу, до этого вполне благостное, мгновенно испортилось от этой беспардонной демонстрации силы и нелепых рассуждений. Стоявшая рядом Сяо Ян тоже нахмурилась и вопросительно взглянула на подопечного.

Унижения за дверью продолжались. Едкий запах табака вызывал у Инь Чжоу приступы тошноты, но он лишь иронично приподнял уголок губ и решительно толкнул дверь.

В ту же секунду, как он переступил порог, его собственные феромоны хлынули в комнату, нагло и властно вытесняя чужую ауру.

Молодой Альфа-ассистент, которого только что мешали с грязью, стоял, понурился голову. Его лицо то бледнело, то заливалось краской стыда.

Подобное случалось уже не впервые. Гуань Янь, когда был не в духе, обожал срывать на подчинённых. Несмотря на то что ему скоро сорок, он вёл себя как капризный ребёнок: делал что хотел, бахвалился своим статусом Альфы и постоянно использовал феромоны, чтобы выразить недовольство.

Этот ассистент, хоть и сам был Альфой, отличался мягким и терпеливым характером — идеальные качества для помощника. Именно поэтому его и взяли на работу.

Поначалу парень был счастлив, ведь Альфы редко берут в ассистенты к звёздам. Но спустя пару месяцев он понял: дело не в престиже студии и не в его выдающемся резюме. Гуань Яню просто требовался кто-то, кто сможет выносить его давление. И выносливый Альфа подходил на эту роль лучше всего.

Каждый раз, когда аура Гуань Яня давила на него, парень инстинктивно хотел огрызнуться в ответ своими феромонами, но всегда сдерживался. Он терпел раз за разом, почти привыкнув к роли козла отпущения.

Но сегодня начальник перешёл черту: он посмел заявить, что в ассистенте нет ничего от Альфы!

У представителей этого пола, за редким исключением, очень острое чувство собственного достоинства. Помощник был миролюбив, но не бесхребетен. И как раз в тот момент, когда его

лицо горело от праведного гнева, удушливый запах табака вдруг испуганно отпрянул, словно столкнулся с чем-то по-настоящему грозным. Следом за этим прохладный аромат красного вина мягко обогнул парня, беря его под защиту.

Гуань Янь, до этого вальяжно развалившийся на диване, резко вскочил.

Удар чужой ауры был направлен прицельно на него!

Ассистент ошарашенно обернулся. В дверях стоял Инь Чжоу — тот самый человек, которого вчера весь вечер поливали грязью.

— Ты что творишь?! — в ярости выкрикнул Гуань Янь.

Он был в шоке. Никто и никогда не смел вести себя с ним так вызывающе. Но феромоны вошедшего буквально вытеснили его собственные, не оставив ни дюйма пространства для манёвра.

Густой, хмельной аромат красного вина окутал Гуань Яня. Ему казалось, что он тонет в чане с терпким напитком; как бы его аура ни пыталась пробиться наружу, она натыкалась на непроницаемую стену. От столкновения двух сил в воздухе повисло такое напряжение, что у актёра перехватило дыхание.

Но спустя миг это ощущение внезапно исчезло. В гримёрке снова осталась только его аура — растерянная и изрядно поутихшая.

Гуань Янь с подозрением и страхом уставился на человека в дверях.

Инь Чжоу же выглядел так, будто и не он только что размазал оппонента по стенке. Он лениво махнул рукой:

— Доброе утро. Простите, учитель Гуань, случайно выплеснулось.

Актёру потребовалось время, чтобы прийти в себя. Слабость в коленях красноречиво подтверждала: ему не показалось. Уровень феромонов Инь Чжоу был значительно выше его собственного!

Это осознание было почти невыносимым.

— Я спрашиваю, что это было?! Ты смеешь давить на меня аурой прямо на съёмках?

Инь Чжоу прислонился к дверному косяку, не заходя внутрь. Он уже был в образе: то же серое

рубище, что и вчера, лицо в пятнах пыли и сажи, но глаза сияли необычайно ярко.

— О, так учитель Гуань знает, что на площадке нельзя использовать феромоны для давления?

— В его голосе слышалась усмешка, но взгляд оставался ледяным. — Вообще-то, этого лучше не делать нигде и никогда.

От этого взгляда Гуань Яню стало не по себе. Но следом за мимолётным испугом пришёл жгучий стыд за собственную слабость. Потеряв лицо, он сорвался на крик, тыча в Инь Чжоу пальцем:

— Ты вздумал меня учить?! Я просто... утром контроль всегда хуже, у всех Альф так! Кто ты такой, чтобы лезть не в своё дело?

— Учитель Гуань, я вовсе не собирался вас учить, просто...

Инь Чжоу тонко улыбнулся и развёл руками:

— Видите ли, я тоже Альфа. И утро у меня такое же тяжёлое — контроль подводит. Стоило мне открыть дверь и столкнуться с такой агрессивной чужой аурой, как я тут же принял её за враждебный выпад. Пришлось подавить. Согласитесь, это же так в духе Альф — не позволять чужакам помыкать собой. Вы-то, с вашим трепетным отношением к «мужскому достоинству», точно должны меня понять.

Последние слова он произнёс медленно и отчётливо, приправив их изрядной долей издёвки.

Сяо Ян поспешно отвернулась, закусив губу, чтобы не рассмеяться в голос. Ассистент-Альфа замер, глядя на Инь Чжоу широко раскрытыми глазами. Его сердце бешено колотилось.

«Чёрт возьми, как же это круто!»

Ни одного грубого слова, но Гуань Яня буквально пригвоздили к месту его же собственными аргументами. Было очевидно, что Инь Чжоу слышал всё из-за двери и просто ждал момента, чтобы нанести ответный удар.

Молодому ассистенту отчаянно хотелось заплодировать.

Гуань Янь побагровел от ярости, но Инь Чжоу не собирался перед ним заискивать. Каким бы заслуженным ни был этот «старший коллега», его статус не давал ему права требовать почтения при таком поведении. Даже Гу Цинсю с его неоспоримым авторитетом не позволял себе подобного, что уж говорить о человеке, напрочь лишённом уважения к окружающим.

— Учитель Гуань, нам скоро в кадр. Увидимся на площадке.

И напоследок он добавил, вбивая последний гвоздь:

— Хотел зайти отдохнуть, но, пожалуй, не стоит. Судя по всему, двум Альфам в одном помещении сейчас будет тесновато — того и гляди сцепимся. А это, знаете ли, не очень красиво.

Развернувшись, он ушёл. На площадке уже вовсю кипела работа, и никто не обратил внимания на то, что произошло в углу у гримёрок.

Инь Чжоу высказался и сразу выкинул этот инцидент из головы. Он не мог пройти мимо несправедливости, но и тратить на это время не собирался — впереди были дела поважнее.

Первой снимали сцену с участием Инь Чжоу. По сюжету, его персонаж Ло Цянь намеренно попадает на краже и в попытке к бегству падает прямо под копыта коня патрульного отряда под командованием Цзинь Чжана.

То самое испытание с прослушивания.

Как только закончили с погоней, настало время совместной сцены с Гуань Янем. Диалогов здесь было немного. Пока гримёры поправляли Инь Чжоу образ, он краем глаза заметил приближающегося противника.

Тот уже взял себя в руки и вежливо поздоровался с режиссёром. Группу «Б» возглавлял заместитель Линь Юйминя, так как сам мэтр был занят на другой локации.

Действие разворачивалось на людной улице. Ло Цянь, сбитый с ног, оказывается перед Цзинь Чжаном и, судорожно сжимая нефритовую подвеску — ту самую, что украл у генерала Силина при первой встрече, — умоляет забрать его с собой.

— Все на исходные! Камера, мотор!

Ло Цянь вваливается в кадр — грязный, взъерошенный, затравленный. Прохожие останавливаются, с любопытством и опаской поглядывая на нарушителя спокойствия, но близко подойти не решаются.

Ещё бы, ведь Ло Цянь преградил путь самому Цзинь Чжану, заместителю великого генерала.

Цзинь Чжан, не слезая с коня, смерил парня тяжёлым взглядом и рявкнул:

— Что за шум среди бела дня?!

Он был Альфой, воином до мозга костей, в котором за годы службы в армии укоренилась грубая, почти разбойничья удаль. Даже обычные Альфы из горожан побаивались его крутого нрава.

Преследователи, завидев офицера, тут же застыли на месте. Цзинь Чжан мазнул по ним взглядом, и те не посмели ни подойти ближе, ни уйти. Затем он перевёл взор на лежащего в пыли юношу.

Игра Инь Чжоу была почти такой же, как на прослушивании, но благодаря гриму и костюму образ стал ещё более жалким и щемящим. Он выхватил из-за пазухи изящную подвеску и поднял её над головой, вцепившись в неё как в последний шанс на спасение:

— Я... я Омега из резиденции генерала Силина! Вот знак, который он мне дал! Заберите меня скорее, они хотят схватить меня!

Эмоции были переданы филигранно. Прохожие, услышав, что перед ними Омега, принялись разглядывать его чумазое лицо — и впрямь, черты были тонкими и красивыми. Старое тряпье, в которое был одет беглец, задралось, обнажая тонкое белое запястье.

Сомнений не оставалось — Омега! Толпа зашептала: если такого несчастного поймут те громилы, страшно представить, какая участь его ждёт. Но если он и впрямь из резиденции генерала... это меняло всё.

Цзинь Чжан спрыгнул с коня, подошёл к Ло Цяню и вырвал у него из рук подвеску. Рассмотрев её, он изменился в лице. Взгляд его стал колючим и подозрительным. Внезапно он наклонился и... мёртвой хваткой вцепился Ло Цяню в горло.

Сяо Ян, наблюдавшая за съёмкой, вскрикнула от неожиданности. В сценарии этого не было! Там говорилось, что Цзинь Чжан лишь смерит его взглядом и прикажет увести.

Это была чистая импровизация Гуань Яня, о которой он не предупредил партнёра. Он действовал резко: его огромная ладонь сдавила шею Инь Чжоу прямо под подбородком, слегка приподнимая его над землёй. Хватка была нешуточной.

Дыхание Инь Чжоу мгновенно перехватило.

Но он не растерялся и не вышел из образа. Наоборот, он с пугающей достоверностью изобразил панику Омegi: его руки забились, пытаясь разжать стальные пальцы Альфы, но силы были слишком неравны. Он выглядел как затравленный зверёк, чья жизнь висит на волоске. В глазах заблестели слёзы, губы судорожно глотали воздух, а пальцы впились в сочленения доспехов Цзинь Чжана.

— Я... не лгу... это правда... — прохрипел он, органично вплетая слова в канву сцены.

Инь Чжоу безупречно принял этот вызов, а режиссёр не спешил давать команду «стоп».

Гуань Янь на мгновение опешил. Ему пришлось признать: парень чертовски хорош. Впрочем, это было ему только на руку.

Цзинь Чжан грубо повернул лицо Ло Цяня то в одну сторону, то в другую, словно осматривая товар. Дождавшись, когда юноша в изнеможении заколотит руками по его предплечью, он, не выказав ни капли сочувствия, отшвырнул Омегу на землю.

Встав, он холодно усмехнулся:

— Схватить его! Уведём в резиденцию для допроса!

Ло Цянь рухнул в пыль, закашлялся, но тут же был подхвачен под руки двумя солдатами. Содрогаясь от кашля, он с неверием смотрел на Цзинь Чжана. Он пытался что-то сказать, но из-за грубости стражи и боли в горле не мог проронить ни звука.

Цзинь Чжан уже вскочил в седло, не удостоивая его и взглядом. Ло Цянь бессильно опустил голову, прекратив сопротивление. Но когда его потащили прочь, он, едва сдержав кашель, осторожно коснулся шеи, и на его лице на краткий миг проступила странная, пугающе спокойная улыбка.

Это было так не похоже на того жалкого страдальца, что казалось галлюцинацией.

— Снято!

Сяо Ян, не сводившая глаз с площадки, тут же бросилась к нему.

— Брат Чжоу!

Инь Чжоу покачал головой:

— Всё в порядке. Это же просто игра.

Девушка облегчённо выдохнула:

— А я уж подумала... Ну и мастерство у тебя, просто невероятно! Но ты точно цел? Он ведь так сильно в тебя вцепился.

— Терпимо, — улыбнулся актёр. — Он бы не рискнул задушить меня по-настоящему.

Помощница всё же сомневалась: со стороны это выглядело пугающе натурально. Неужели он сделал это специально? Наверняка!

Не успела она позвать гримёра, как режиссёр пригласил Инь Чжоу к мониторам просмотреть дубль. Постановщик довольно кивал.

— Отлично, просто отлично! Учитель Гуань, эта импровизация была очень кстати. Она подчеркнула грубость Цзинь Чжана, его полное безразличие к Омегам, и на этом фоне хрупкость Ло Цяня стала ещё очевиднее. Инь Чжоу, ты молодец! Вчера режиссёр Линь так тебя расхваливал, что я ждал многого, и ты меня не подвёл!

Инь Чжоу повернулся к Гуань Яню и с самым искренним видом произнёс:

— Это всё благодаря учителю Гуаню. Он дал мне возможность раскрыться. Спасибо вам большое.

Гуань Янь, который хотел не просто «проучить» наглеца, но и задавить его своим актёрским авторитетом, лишился дара речи. Вместо того чтобы выставить Инь Чжоу неумехой, он лишь помог ему заработать очередную похвалу.

— Не за что... — выдавил он сквозь зубы, кривя рот в подобии улыбки.

Но горечь поражения требовала выхода, и актёр язвительно добавил:

— И впрямь, сыграно недурно. Насколько я знаю, ты раньше никогда не играл Омега, а тут — такая достоверность. Как же ты готовился к роли? Входил в образ в свободное время?

Вопрос звучал безобидно, почти как обычный интерес профессионала, и даже режиссёр с любопытством взглянул на артиста.

Глаза Инь Чжоу радостно вспыхнули.

— Неужели?! Учитель Гуань и правда считает, что я был убедителен?

Стоявшая рядом Сяо Ян почувствовала, что в её подопечном проснулся... тонкий манипулятор. О да, он попал в точку — достаточно было взглянуть на дёрнувшийся уголок губ Гуань Яня.

— Вполне. Движения, мимика — вылитый Омега из тех, что я встречал. Или ты и в жизни такой? — Гуань Янь не удержался и вложил в последнюю фразу каплю яда.

Инь Чжоу лишь многозначительно улыбнулся:

— Ну... как бы это сказать. Вот вы, например, учитель Гуань. Вы так мастерски воплотили этот образ грубого и неприятного типа, что диву даёшься. Но ведь это не потому, что вы и в жизни такой, верно? Просто вы потратили уйму времени, вживаясь в роль. Вот и я так же.

Гуань Янь: «...»

Режиссёр переводил взгляд с одного на другого. Кажется, эти двое не ладят... Значит, та импровизация с удушением была вовсе не творческим порывом? Будучи тёртым калачом, он быстро раскусил суть их конфликта, но предпочёл сделать вид, что ничего не заметил. Он лишь похлопал Инь Чжоу по плечу:

— Вот именно! Хороший актёр на то и хороший, чтобы не тащить своих персонажей в реальную жизнь. Готовьтесь к следующей сцене.

Гуань Янь, будучи старшим, не мог продолжать спор. Он лишь коротко кивнул режиссёру и скрылся в своей гримёрке.

Его ассистент-Альфа, следовавший по пятам, чувствовал небывалое удовлетворение. Он с благодарностью посмотрел на Инь Чжоу. Их взгляды встретились, и тот, помедлив, ободряюще ему улыбнулся.

Парень вдруг преисполнился смелости. Проходя мимо Инь Чжоу, он едва слышно прошептал:

— Учитель Инь, вы просто супер! Так его! Удачи!

***

В гримёрке Гуань Яня воцарилась гнетущая атмосфера. Ему отчаянно хотелось выплеснуть гнев через феромоны, но там было слишком много людей, и он не мог себе этого позволить. Когда большая часть персонала разошлась, он, скрежеща зубами, прошипел:

— Сначала он давит меня аурой, а теперь несёт эту ахинею... Где это видано? Никакого уважения к старшим!

Его личный визажист, привыкший к капризам звезды, молча поправлял ему грим, но в душе был не на шутку удивлён.

«Кто-то посмел давить на Гуань Яня феромонами?»

— Ты слышал, что он наплёл?! — продолжал бесноваться актёр, сверля взглядом столешницу.
— Он меня ни в грош не ставит!

Визажист взглянул на ассистента, надеясь, что тот поможет разрядить обстановку:

— Не принимайте близко к сердцу, учитель Гуань. Кто же этот смельчак? Не стоит так злиться.

Он выразительно посмотрел на парня. Кто же этот безумец, решивший перейти дорогу Гуань Яню, чьим дурным нравом и без того полнится вся индустрия?

Раньше ассистент в такие моменты просто молча слушал, но сегодня он вдруг вскинул голову и спокойно произнёс:

— Учитель Гуань, вы ведь постоянно твердите, что во мне нет ничего от Альфы. Но вот Инь Чжоу сегодня вёл себя как истинный Альфа — и вы всё равно недовольны?

Гримёр застыл с кисточкой в руках.

«Инь Чжоу? Информации становилось всё больше. Кажется, пока его не было, произошло что-то из ряда вон выходящее. И почему ассистент вдруг... начал огрызаться?»

Гуань Янь тоже не ожидал, что этот безответный и такой удобный «мальчик для битья» вдруг подаст голос. Он даже не сразу поверил своим ушам.

— Что ты сказал? — прошипел он, багровея. — Жизнь надоела? А ну повтори, если смелый.

***

Молодой человек тем временем отснялся ещё в нескольких сценах. Когда объявили перерыв, был уже глубокий полдень, и все изрядно проголодались. Сяо Ян принесла ему коробочку с обедом.

— Брат Чжоу, поешь!

Инь Чжоу на мгновение задумался.

— Пойдём, — сказал он. — Найдём учителя Гу и пообедаем с ним.

Группа «А» работала по соседству. Стоило Инь Чжоу появиться на их площадке, как на него устремились десятки взглядов. Кто-то даже окликнул его:

— Учитель Инь, вы к учителю Гу?

После утреннего призыва режиссёра Линя все только и обсуждали их «задание» по сближению. Учитывая, что оба были главными звёздами проекта, каждый их шаг был под прицелом.

Инь Чжоу ответил прямо и открыто:

— Именно. Где он?

Работники указали дорогу. У группы «А» как раз закончилась смена, и многие уже вовсю уплетали обед. Гу Цинсю не стал уходить в гримёрку: он сидел в кругу других актёров, неспешно перекусывая и изредка перекидываясь с ними парой фраз.

Юноша, как истинный профессионал, обожал наблюдать за людьми. Он не стал сразу подходить, а остановился в стороне, рассматривая Гу Цинсю как сторонний наблюдатель. И это наблюдение навело его на интересные мысли.

Он заметил, что у этого человека на самом деле нет никакой звёздной спеси. За едой он выглядел расслабленным, отвечал каждому, кто к нему обращался, и казался вполне доступным в общении.

Черты его лица были мягче, аура — интеллигентнее. Но за этой внешней безмятежностью скрывалась та самая хищная, ослепительная красота. Чем ближе ты подходил к нему, тем явственнее проступали безупречно очерченные скулы, прямой нос и глубокие, пронзительные глаза.

И тем сильнее ощущался тот внутренний напор, который он излучал вне зависимости от слов и жестов. В нём уживались крайние противоречия, и именно это делало его таким притягательным. Фанаты были преданы ему годами — и неудивительно: такого Альфы во всём шоу-бизнесе больше не было.

Окружающие подсознательно вели себя с ним вежливо и серьёзно. Никто не позволял себе фамильярностей, не хлопал по плечу и не пытался приобнять, как это принято у других актёров.

Остальные могли шутливо толкнуть друг друга или устроить возню, но Гу Цинсю никто не касался. Вокруг него словно существовал невидимый кокон. Все могли с ним общаться, но никто не мог по-настоящему приблизиться.

Инь Чжоу задумался.

Пока он размышлял, один из молодых актёров, сидевших напротив Гу Цинсю, заметил его и воскликнул:

— О, Инь Чжоу пришёл! Чего стоишь? Глаз не можешь оторвать от учителя Гу? Неужели стесняешься подойти и взять его за руку? Ха-ха-ха!

Остальные, конечно же, тоже были в курсе. Человек пять разом обернулись, добродушно посмеиваясь. На съёмках часто бывает скучно, поэтому любая забава идёт на ура. Требование режиссёра к актёрам больше общаться вне кадра — дело обычное, необычным было лишь то, что двум Альфам предстояло играть любовь.

Он не стал сразу отвечать шутникам. Он продолжал смотреть на Гу Цинсю. Мужчина, услышав его имя, не обернулся мгновенно, а на секунду замер. Его спокойный взгляд на миг стал сосредоточенным, движения едва заметно скованными, и только после этого он медленно повернул голову. Его взор перестал быть рассеянным и сфокусировался на Инь Чжоу.

Его это позабавило. Неужели он колеблется? Как интересно.

Наконец он с улыбкой поприветствовал компанию:

— Добрый день, учителя. Вовсе я не стесняюсь, просто засмотрелся на то, какой учитель Гу красавец.

— О-о, кажется, Цинсю и впрямь покоряет сердца всех полов и каст! Давай к нам, присаживайся, пообедаем.

Кто-то указал на свободное место рядом с Гу Цинсю. Обстановка на площадке была простой, актёры не церемонились и сидели на низких табуретах прямо у декораций.

Единственный пустой стул стоял совсем рядом с Гу Цинсю. Инь Чжоу не стал его отодвигать и просто уселся. Табурет был низковат, и артист, опускаясь, слегка покачнулся, ненароком коснувшись плечом плеча Гу Цинсю.

Усевшись поудобнее, он вежливо поднял глаза на актёра:

— Простите, учитель Гу.

Гу Цинсю: «...»

Прекрасно понимая, что это была игра на публику, он всё же ответил:

— Ничего страшного.

Остальные заулыбались:

— Сразу видно, Инь Чжоу ещё не привык к нашему Цинсю. Неудивительно, что режиссёр велит вам быть неразлучными — вы такие церемонные друг с другом.

Инь Чжоу рассмеялся:

— Мы же только познакомились, конечно, мы вежливы. Но погодите, через пару дней вы увидите нас воркокующими и держащимися за руки. Режиссёр Линь требует — мы выполняем. Надеюсь, вы не сочтёте нас слишком приторными.

— Ха-ха-ха, ни в коем случае! Это же так забавно.

Открытость и непосредственность Инь Чжоу тут же расположили к нему коллег.

— У тебя правильный настрой. Какая разница, Альфа ты или нет? Почему Альфа не может сыграть Омегу в серьёзной драме или сняться в романтической сцене? В жизни ведь бывают пары Альфа-Альфа. Редко, но бывают.

— Кстати, а правда — существуют ли такие пары? Я вот ни разу не видел.

Актёры постарше ударились в рассуждения.

— Я тоже не встречал, только слышал. Если честно, я этого не понимаю. Как можно идти наперекор самой природе?

— Кто знает. Может, не все Альфы биологически несовместимы. В конце концов, есть ведь Альфы, которые не выносят Омег. Вдруг кто-то из них способен принять только феромоны другого Альфы?

— В твоих словах есть логика. Но таких людей, наверное, один на миллион. И даже если один согласен, не факт, что другой ответит тем же. Тогда пиши пропало.

— Получается, те, кто способен на такие отношения — настоящие избранники судьбы. Найти друг друга среди миллионов и не испытывать отвращения к чужой ауре... на это нужно благословение небес.

— Вот именно. Не зря же Линь Юйминь велел Цинсю и Инь Чжоу больше контактировать. Если они не справятся с неприязнью феромонов, кино не получится. Альфе полюбить Альфу — это почти невозможно, природа восстаёт против этого в первую очередь.

Гу Цинсю молча опустил глаза, глядя на свои руки.

«Природа восстаёт в первую очередь?»

У него всё было иначе. Стоило его феромонам коснуться ауры этого человека, как они начинали тянуть его к нему, требуя сближения.

Он не испытывал к Инь Чжоу симпатии, но собственнический инстинкт его феромонов по отношению к этому человеку был пугающе сильным...

***

После обеда у них оставалось ещё около получаса на отдых. Остальные либо вернулись в гримёрки, либо разошлись по делам. Инь Чжоу остался.

Он посмотрел на Гу Цинсю и, скрестив руки на груди, намеренно понизил голос до интимного шёпота:

— Ну что, учитель Гу? Лишних глаз нет, пора и нам заняться делом. Не бойся, я буду нежным.

Вчера они договорились о лёгких касаниях, но в его исполнении это прозвучало крайне двусмысленно. Гу Цинсю прищурился.

«Этот парень... и впрямь не боится смерти».

Был разгар перерыва, на площадке почти никого не осталось. Грим Инь Чжоу за день поизносился — там пятно пыли, тут сажа, всё неровно и грязно. Но даже это не могло скрыть его изысканных черт.

Особенно глаз — словно выписанных тончайшей кистью, красивых и выразительных. Сейчас в них плясали озорные искорки, и он смотрел на Гу Цинсю с явным вызовом.

Гу Цинсю некоторое время пристально изучал его лицо. Взгляд его был тёмным и глубоким. Инь Чжоу спокойно выдержал это изучение, нисколько не опасаясь последствий — он не впервые провоцировал этого человека. Ему даже было любопытно, какой будет реакция; наблюдать за Гу Цинсю оказалось весьма увлекательным занятием.

Внезапно под его взглядом Гу Цинсю поднял руку и коснулся шеи Инь Чжоу.

Тот замер. Он никак не ожидал, что Гу Цинсю перейдёт от слов к делу так внезапно.

Гу Цинсю не дал ему отстраниться. Его пальцы едва касались левой стороны шеи, а большой палец упёрся в челюсть, заставляя приподнять голову. Хватка была мягкой, но властной.

В оцепенении Инь Чжоу позволил приподнять свой подбородок, обнажая кадык. Его взгляд на миг стал растерянным, устремлённым куда-то вверх.

— Что с шеей? — услышал он голос Гу Цинсю.

Инь Чжоу: «...»

Это было то самое место, за которое его схватил Гуань Янь в образе Цзинь Чжана. Сначала ничего не было заметно, но со временем там проступил отчётливый багровый след.

Боли не было, но там, где его касался Гу Цинсю, по коже мгновенно разлился жар и покалывание.

Инь Чжоу тут же отступил на пару шагов, но тот не спешил убирать руку — его большой палец медленно соскользнул с челюсти на подбородок, словно нехотя покидая кожу.

Инь Чжоу дёрнул веком и, встав в двух шагах, сердито уставился на актёра. Он невольно почесал место касания, пытаясь избавиться от этого странного зуда.

Только тогда Гу Цинсю медленно опустил руку и невозмутимо посмотрел на него:

— М-м? Я действовал недостаточно осторожно?

— ...До-ста-точ-но, — процедил Инь Чжоу сквозь зубы.

<http://bllate.org/book/15873/1441502>